

В.А. Уткин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ ИХ ВОСПРИЯТИЯ

Проведена классификация действующих международно-правовых актов в области исполнения уголовных наказаний, раскрывается их многообразное значение, подвергаются критическому анализу существующие негативные стереотипы отношения к международным стандартам уголовно-исполнительной деятельности.

Ключевые слова: *международные стандарты исполнения наказания, классификация международных стандартов, профессиональное правосознание юристов.*

Важным фактором реформирования и развития российского уголовно-исполнительного законодательства с начала 90-х годов прошлого века является все более активная интеграция Российской Федерации в мировое сообщество, в том числе ее вступление в 1996 г. в Совет Европы. Одновременно Россия приняла на себя обязательства более последовательно реализовывать в законодательстве и практике общепризнанные международные нормы, составляющие юридическую основу деятельности мирового сообщества, и прежде всего – положения, касающиеся обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с Конституцией (ст. 15) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Помимо указанных норм, принципов и договоров, международное сотрудничество находит юридическое выражение в рекомендательных положениях международных актов. Их также нельзя игнорировать, хотя реализация таких положений в каждом государстве обусловлена его специфическими социально-экономическими, политическими, национальными, географическими и прочими условиями.

Принятые на международном уровне нормы, принципы и рекомендации в области исполнения уголовных наказаний и деятельности уголовно-исполнительных учреждений и органов получили наименование международных стандартов обращения с осужденными [1, 2]. В более широком значении их можно также именовать международными стандартами уголовно-исполнительной деятельности.

Значение международных стандартов уголовно-исполнительной деятельности многогранно. В политическом аспекте появление конкретных документов, норм, рекомендаций и принципов – результат политической деятельности, политического взаимодействия субъектов международного права. Будучи принятыми, они определяют с различной степенью категоричности и обязательности важные направления внутренней уголовной и уголовно-исполнительной политики. Так, вступление России в Совет Европы в январе 1996 г. было обусловлено,

помимо прочего, ее обязательством принять меры к отмене уголовного наказания в виде смертной казни. И хотя действующий УК РФ, принятый в июне 1996 г. и вступивший в силу 1 января 1997 г., в системе мер наказания (ст. 44) и по пяти составам преступлений (ст.ст. 105, 227, 245, 317, 357) сохраняет смертную казнь, она, как известно, в соответствии с политическим решением (распоряжением) Президента России и последующими решениями Конституционного Суда РФ не применяется в стране уже два десятилетия.

Содержащиеся в международных стандартах уголовно-исполнительной деятельности положения обобщают, аккumulируют и доводят до сведения законодателей и правоприменителей мировой опыт, выполняя важную информационную функцию. В этом отношении показательна позиция принятых в 2015 г. Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы): «Нижеследующие правила... предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли... изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления тюрьмами» [3].

С информационным тесно связано стимулирующее значение международно-правовых актов в области уголовно-исполнительной деятельности. Причем как в силу самого факта их существования, так и ввиду отраженных в этих актах способов, образцов, алгоритмов решения конкретных законодательных и правоприменительных проблем. К примеру, среди целей Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания (1992 г.) указано, что «их применение должно подвигнуть на поддержание требуемого и желательного равновесия между необходимостью защиты общества... с одной стороны, и социальной адаптации нарушителей закона – с другой» [4].

Поскольку международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности основаны и на нормах международного гуманитарного права (права прав человека), очевидно их гарантирующее значение применительно к обращению с осужденными в силу того, что они содержат целый ряд юридических га-

рантий соблюдения общепризнанных прав человека. В качестве примера укажем ст. 1 принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1988 г. «Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме»: «Все лица, подвергаемые задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» [5, с. 64]. Следуя упомянутому Своду принципов, Минимальные стандартные правила 2015 г. прямо указывают, что они «отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

На осуществление большого круга принципов, норм и рекомендаций, составляющих международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности, большое влияние оказывает разнообразие правовых систем различных стран, их социальных, политических, экономических и географических условий. Однако фактический уровень, степень их реализации и, что самое главное, – действительное стремление к этому расценивается международным сообществом в качестве важного критерия своего рода «цивилизованности» правовой системы государства. Здесь налицо оценочная роль многих международных стандартов.

Наряду с этим международно-правовые стандарты выполняют важную координационную функцию для уголовно-исполнительных систем различных стран. Нередко это прямо отражено в их содержании. Так, в Преамбуле принятых в 2010 г. Правилах Совета Европы о пробации говорится о «достижении большего единства между государствами, особенно посредством гармонизации законодательства по вопросам, представляющим взаимный интерес» [6, с. 525].

В случаях, когда конкретные международные акты (и прежде всего – ратифицированные международные договоры) являются актами прямого действия, очевидно их непосредственное правоприменительное значение. В соответствии с ч. 3 ст. 10 Федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в России непосредственно.

В ином случае, при отсутствии их прямого действия международно-правовые акты реализуются опосредованно, путем изменения текущего законодательства. И они весьма значимы для правильного понимания и толкования действующих норм. В качестве примера приведем ч. 12 ст. 97 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «Выезды осужденных за пределы исправительных учреждений»: «Выезд осужденных на территорию другого государства разрешается в порядке и в случаях, предусмотренных соглашениями с соответствующими государст-

вами». Отсылка к соответствующим международным договорам демонстрирует и интерпретационную роль международно-правовых основ стандартов уголовно-исполнительной деятельности.

Ознакомление с ними, помимо прочего, призвано способствовать формированию гражданской позиции, расширению кругозора и совершенствованию профессионального сознания юристов и работников уголовно-исполнительной системы, а также общественности, участвующей в ее деятельности. Принятые в 2006 г. Европейские пенитенциарные правила (п. 77) устанавливают, что «при подборе нового персонала администрация пенитенциарного учреждения должна уделять повышенное внимание необходимости обеспечения его честности, гуманности, владению профессиональными навыками и личной пригодности к выполнению работы» [7, с. 77–78]. При этом «курс подготовки всех сотрудников должен предусматривать изучение международных и региональных документов в области прав человека» (п. 81.4). В этом, несомненно, следует усматривать воспитательно-мировоззренческую роль международных стандартов.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов научное значение указанных выше норм, принципов и рекомендаций. Во многих таких международных документах содержатся разделы или отдельные положения о стимулировании научных разработок в соответствующих областях. К примеру, согласно ст. 20.3 упомянутых выше «Токийских правил» 1990 г., «механизмы проведения исследований и сбора информации должны включаться в систему уголовного правосудия для сбора и анализа данных и статистических показателей». С другой стороны, и сами международные акты, а также проблемы их реализации все чаще становятся предметом серьезных научных изысканий [8].

Классификация рассматриваемых международных актов возможна по таким основаниям, как территориальный масштаб их действия, степень специализации, формы их выражения, степень обязательности.

По широте (территориальным масштабам) действия выделяют общемировые и региональные международные стандарты. Первые – это прежде всего документы, принятые Организацией Объединенных Наций (Генеральной Ассамблеей ООН), ее органами (например, Экономическим и Социальным Советом ООН) либо под эгидой ООН (Международными конгрессами по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и др.). Примерами служат Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 г.; Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. и другие. Общемировым международным документом, принятым вне рамок ООН, является, в частности, Конвенция № 29 Международной организации

труда 1930 г. «О принудительном или обязательном труде» [9].

Региональные международные стандарты распространяют действие на отдельные регионы планеты (континенты). Для России в этом отношении значимы международные акты, принимаемые Советом Европы (его Парламентской Ассамблеей либо Комитетом Министров СЕ).

По степени общности рассматриваемые международные стандарты можно классифицировать на универсальные и специальные. Первые относятся к правам человека в целом и лишь в отдельных их частях определяют специфическое положение личности в системе исполнения уголовного наказания. Например, Конвенция ООН 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [10]. Вторая группа стандартов принимается специально для отношений по исполнению наказаний (либо для системы уголовной юстиции в целом). Здесь особо выделяются международные документы, относящиеся к лишению свободы и к альтернативным наказаниям.

Кроме того, некоторые международные стандарты принимаются специально в отношении отдельных категорий осужденных, например женщин [11], несовершеннолетних [12], либо применительно к определенным профессиональным группам персонала пенитенциарных учреждений (врачам, должностным лицам по охране правопорядка и др.) [13].

По форме их юридического выражения или источникам происхождения межгосударственные договоры (пакты, конвенции) отличаются от актов, принятых международными правительственными или неправительственными организациями. К числу международных правительственных организаций можно отнести, например, ООН и ее рабочие органы, к неправительственным международным организациям – «Международную амнистию», «Penal Reform International» и другие.

От источника их происхождения зависит юридическая сила (степень обязательности) рассматриваемых международных стандартов. Межгосударственные международные договоры (пакты, конвенции) обязательны для государств, их подписавших и ратифицировавших. При этом в международном праве принято различать «несамоисполнимые» и «самоисполнимые» международные договоры. Первые для их реализации требуют соответствующего изменения внутреннего законодательства. Это, в частности, относится к находящимся в сфере действия УК РФ положениям ратифицированных Россией международных договоров, устанавливающих криминализацию конкретных общественно-опасных деяний. «Самоисполнимые» международные договоры действуют не только посредством изменения национального законодательства, но и непосредственно, когда внутреннее законодательство противоречит ратифицированному договору либо имеет пробел по данному вопросу. Такой подход отражен

в ч. 2 ст. 3 УИК РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора».

Следует отметить, что в области исполнения уголовных наказаний в России число ратифицированных «самоисполнимых» международных договоров крайне невелико. Практически все они касаются передачи осужденных иностранцев для отбывания наказания в страны, чьими гражданами (подданными) они являются. Это Страсбургская конвенция Совета Европы 1983 г. о передаче осужденных лиц [14], а также двусторонние соглашения РФ с более чем двадцатью государствами. В этой связи отсутствие в ст. 73 УИК РФ («Места отбывания лишения свободы») упоминания об этом не препятствует передаче осужденных-иностранцев в государства-участники Конвенции 1983 г., а также при наличии соответствующего двухстороннего международного договора.

Подавляющая часть официальных международных актов в области исполнения наказаний носит рекомендательный характер, что часто отражено в их содержании. Так, в Преамбуле Минимальных правил 2015 г. подчеркивается их «необязательный» характер. В п. 1.3 Токийских правил 1990 г. также указано, что они «применяются с учетом политических, экономических и социальных условий каждой страны, а также целей и задач ее системы уголовного правосудия». Рекомендательными являются все акты международных неправительственных организаций.

Тем не менее рекомендательный характер многих международных стандартов вовсе не означает, что их можно неосновательно игнорировать. Во-первых, в целом ряде наиболее фундаментальных документов такого рода содержатся положения, воспроизводящие общепризнанные нормы и принципы. Ведь система международных стандартов, имеющих отношение к исполнению уголовных наказаний, достаточно обширна. Многие из актов, содержащих такие стандарты, частично совпадают по смыслу. Однако то, что ряд их положений повторяется, дает возможность придать им больший вес путем перекрестной ссылки, то есть использовать подобную статью в одном документе как толкование более общей статьи в другом. Это особенно важно, если какое-либо положение имеет обязательную силу в одном документе и не имеет ее в другом.

Во-вторых, степень осуществления международных стандартов и, что немаловажно, само стремление к их реализации не без оснований расценивается как критерий «цивилизованности» уголовно-исполнительной системы в духе общепризнанных норм и принципов международного права. Поэтому в ч. 4 ст. 3 УИК закреплена положение, что «рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с

осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей».

В широкий оборот в России рассматриваемые международные стандарты вошли относительно недавно, и не все в равной степени. История развития отечественной уголовно-исполнительной системы свидетельствует о диаметрально противоположных отношениях к соответствующим международным нормам. Известно, что такой авторитетный международный документ, как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., в первые годы после их принятия, мягко говоря, не «рекламировались». Даже первая их публикация на русском языке была осуществлена в Академии МВД СССР под грифом «Для служебного пользования». В учебниках того времени международные конгрессы по борьбе с преступностью и международные документы об обращении с осужденными имели отрицательную идеологическую оценку¹. Для советского читателя в лучшем случае делались некоторые оговорки, что, несмотря на существование неких международных актов, отечественное законодательство и практика его применения ушли далеко вперед.

Напротив, когда в «постперестроечный» период на фоне гласности, демократизации и защиты прав человека обществу более широко открылись ворота колоний и тюрем, некоторые авторы стали писать о чрезвычайно безнадежной отсталости отечественной уголовно-исполнительной системы в свете международных стандартов и призывать ее к коренной ломке, в том числе путем повсеместной замены исправительных колоний тюрьмами [16; 17, с. 7–12].

Парадоксально, что эти крайности, ныне уже преодоленные, во многом были результатом слабой осведомленности не только с «буквой», но и с духом международных стандартов². Нынешнему поколению сотрудников уголовно-исполнительной системы уже не свойственно ранее существовавшее своеобразное «отторжение» международных стандартов как «происков мирового империализма». Однако отдельные стереотипы настороженного к ним отношения до конца еще не преодолены. К числу наиболее часто встречающихся относятся следующие:

- международные стандарты нам «навязывают»;
- международные стандарты – это «далеко» и «не про нас»;

- международные стандарты слишком абстрактны;
- контроль за соблюдением международных стандартов – это вмешательство во внутренние дела России;

- международные стандарты относятся только к лишению свободы (вариант – только к западным тюрьмам);

- международные стандарты односторонни, они направлены только на защиту прав осужденных, игнорируя права сотрудников;

- для реализации международных стандартов нужно иметь много средств.

Остановимся на критической оценке этих стереотипов. Тезис, что международные стандарты нам «навязывают», отчасти все же был справедлив в прошлом, когда, например, представители СССР самоизолировались от разработки и принятия в 1955 г. Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Однако ныне ситуация в этой области кардинально изменилась. Представители ФСИН России активно участвовали в разработке Европейских тюремных (пенитенциарных) правил 2006 г. и других международных документов. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности возглавляет представитель России. Под эгидой именно этого Управления был разработан и в 2015 г. принят и усовершенствованный вариант Минимальных стандартных правил обращения с заключенными [18, с. 36].

Отношение России к международным актам четко закреплено в Конституции РФ (ч. 4 ст. 15). Никакого умаления государственного суверенитета России в связи с необходимостью соблюдения международных стандартов здесь нет и не может быть. Наша страна – полноправный член международного, в том числе европейского сообщества. Эта позиция отражена и в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Статья 3 УИК («Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты») устанавливает, что «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными».

Столь же неосновательно расценивать рассматриваемые международные стандарты как совокупность далеких от России и действительности абстрактных и неконкретных положений. Понятно, что при разнообразии фактических условий существования и правовых систем различных государств ни один международный документ, претендующий на всеобщую реализацию, не может быть свободен и от некоторых относительно абстрактных формулиро-

¹ Так, в учебнике 1960 г. под редакцией Б. С. Утевского указывалось, что периодически созываемые тюремные конгрессы «всегда отражали и отражают антинародную тюремную политику буржуазии» [15, с. 56]. Авторы более поздних изданий (до конца 80 – начала 90-х годов) уходили от столь категоричных оценок путем игнорирования существовавших международных документов. В учебниках освещалась «реакционная тюремная политика капиталистических государств».

² К примеру, в ранее действовавшей редакции Концепции развития УИС до 2020 г. говорилось о «повышении эффективности исправительных учреждений до уровня международных стандартов», хотя никаких международных стандартов эффективности пенитенциарных учреждений вовсе не существует.

вок, таких, как «разумный срок», «достаточное основание», «эффективная помощь» и т.д. Однако каждое из таких положений может и должно быть предметом конкретизации, интерпретации в нормах национального законодательства. В Преамбуле к упомянутым выше Минимальным Правилам 2015 г. прямо оговаривается, что государства – члены ООН в надлежащих случаях могут адаптировать их применение «в соответствии со своей внутренней правовой системой, принимая во внимание дух и цели Правил». В свою очередь, практически каждое положение уголовно-исполнительного законодательства может быть рассмотрено с позиций его соответствия тем или иным международным актам.

Что касается международного контроля за реализацией международных стандартов, то его пределы, содержание и формы осуществляются в каждом конкретном случае на договорных началах, не предполагающих какое-либо «навязывание» либо вмешательство во внутренние дела России³. Как правило, формы и способы такого контроля оговариваются в международных актах, подлежащих ратификации. Ратификация такого международного акта (конвенции, пакта, договора и т.п.) высшим законодательным органом (Федеральным Собранием РФ) одновременно (если не сделано соответствующей оговорки) означает признание возможности международного контроля за соблюдением международного акта. Так, ратифицированная Российской Федерацией в 1998 г. Европейская конвенция 1987 г. по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в ст. 2 устанавливает, что «каждая сторона разрешает посещение в соответствии с данной Конвенцией любого места в пределах своей юрисдикции, где содержатся лица, лишённые свободы государственной властью». Для целей контроля создан Европейский комитет по предупреждению пыток, члены которого и проводят указанные выше посещения с составлением отчетов.

Если же отдельные положения международных актов расцениваются как вмешательство во внутренние дела России или как противоречащие ее Конституции, они не ратифицируются либо ратифицируются с оговорками. Возможна и денонсация соответствующих договоров, пактов, конвенций.

Известно, что Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. при ратификации Конвенции признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге обязательной при толковании Конвенции и протоколов к ней, если предполагаемое нарушение Россией положений этих актов имело место после вступления их в силу о отношении Российской Федерации (1998 г.). В то же время

с учетом отмеченных выше положений особая ситуация в части исполнимости решений ЕСПЧ возникает в случаях, когда толкование Судом норм Конвенции 1950 г. противоречит Конституции России. Эта проблема обострилась и вызвала оживленные, в том числе политические дискуссии в связи с известным решением ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по заявлению двух бывших осужденных из России. Суть их жалобы состояла в необходимости признания нарушения российскими властями ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на свободные выборы, поскольку, отбывая лишения свободы, они были лишены активного избирательного права.

По мнению Страсбургского суда, закрепленное ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение избирательного права лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, противоречит Конвенции и Протоколу № 1, поскольку носит «абсолютный, автоматический и недифференцированный характер». В связи с этим ЕСПЧ предложил России обеспечить участие заключенных в выборах.

В июле 2015 г. Конституционный Суд РФ постановил, что отдельные спорные решения ЕСПЧ могут в России не исполняться, если они противоречат Конституции. При этом он исходил из того, что международные договоры, в отношении которых наша страна оформила свое участие, обладают приоритетом только над законами, но не над Конституцией России. В итоге Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» требования ЕСПЧ о представлении права голоса всем заключенным, отбывающим наказание, были признаны неисполнимыми как противоречащие ст. 32 Конституции Российской Федерации.

Такое решение не было беспрецедентным. Конституционное право ряда стран исходит из того, что положения международных договоров могут иметь преимущество перед национальным законом, но не должны противоречить Конституции (ст. 5 Конституции Болгарии, ст. 25 Конституции Германии, ст. 91 Конституции Польши и др.) [19, с. 28].

Первые в истории международные стандарты обращения с осужденными (принятые еще в конце XIX столетия) относились именно к лишению свободы. Ныне действующая система международных актов весьма разнообразна и обширна. Значительная их часть посвящена наказаниям и иным уголовно-правовым мерам, не связанным с лишением свободы (т.н. «альтернативным санкциям»).

Столь же неосновательно расценивать международные акты как своего рода «лицу с односторонним движением», как направленные исключительно на защиту прав осужденных. Формальные основа-

³ На наш взгляд, прежде всего это обстоятельство не позволило внести в Уголовно-исполнительный кодекс РФ 1996 г. специальную статью о «международном контроле», как это сделано в уголовно-исполнительном законодательстве ряда стран СНГ (например, в ст. 17-3 УИК Кыргызской Республики).

ния для такого вывода могут проистекать из названия отдельных таких актов. Например – «Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными» 2015 г. Однако детальное ознакомление с содержанием этого и ему подобных документов свидетельствует, что сотрудники уголовно-исполнительной системы также не обойдены вниманием международного сообщества. Во всех главных документах такого рода есть разделы о персонале уголовно-исполнительных учреждений и органов. Как указано, в частности, в ст. 74 Правил Манделы, «тюремная администрация должна неустанно прививать своим сотрудникам и общественности в целом убеждение в том, что эта работа имеет большое общественное значение».

Наконец, следует преодолевать стереотип, что реализация международных стандартов требует огромных средств и поэтому они в России недостижимы. Здесь нужно иметь в виду существование в международных стандартах двух групп положений: норм-принципов и норм-рекомендаций. Отход от первой группы недопустим ни при каких обстоя-

тельствах, но их соблюдение вовсе не требует каких-то особых материальных затрат (например, требования об индивидуализации личности осужденных, о запрете пыток или иного бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения или наказания). Что же касается норм-рекомендаций, то они, как правило, не содержат каких-либо конкретных предписаний (норм питания осужденных, размера жилой площади пенитенциарных учреждений, минимальных норм содержания или питания заключенных и т.п.). Как указывается в Преамбуле Минимальных правил 2015 г., «принимая во внимание разнообразие юридических условий, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно. Они должны, однако, вызывать к жизни постоянное стремление к преодолению практических трудностей, стоящих на пути к их осуществлению, поскольку в общем и в целом они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарев П.Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации. Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1994.
2. Уткин В.А. Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации. Томск: Изд-во НТЛ, 1998.
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными. Приняты Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию ЭКОСОС ООН 21 мая 2015 г. (Резолюция V.15-03587(R)).
4. Рекомендация № R(92)16 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания (принята 13 октября 1992 г.).
5. Международные стандарты в уголовно-исполнительной сфере. Рязань: АПУ ФСИН РФ, 2015. С. 64–66.
6. Рекомендация CM/REC(2010)1 Комитета Министров государствам-членам о Правилах Совета Европы о пробации (принята Комитетом Министров 20 января 2010 г.) // Российское уголовно-исполнительное право. Т. II. Особенная часть. М.: МГЮА, 2011. С. 524–540.
7. Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов. Рязань: АПУ ФСИН РФ, 2008. С. 80–92.
8. Антипов А.Н., Голык Н.М. и др. Влияние международно-правовых актов на уголовно-исполнительное законодательство России. М.: НИИ ФСИН РФ, 2015 и др. 187 с.
9. Международная защита прав и свобод человека. Сб. документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 219–230.
10. Там же. С. 109–125.
11. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей [Бангкокские правила]. Резолюция ГА ООН от 21 декабря 2010 г.
12. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Резолюция ГА ООН № 45/113 от 14 декабря 1990 г. // Международные стандарты в уголовно-исполнительной сфере. С. 153–182.
13. Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Приняты Резолюцией 37/194 ГА ООН от 18 декабря 1982 г. // Там же. С. 148–152 и др.
14. Конвенция Совета Европы «О передаче осужденных лиц». Страсбург. 21 марта 1983 г. // Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций... С. 28–40.
15. Советское исправительно-трудовое право. М.: Госюриздат, 1960.
16. Фелелов В.А. Социально-правовые основы цивилизации исправительных учреждений. Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1992. 166 с.
17. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. // Утв. Распоряжением Правительства России от 14 октября 2010 г. № 1772-р. (в ред. 23.09.2015).
18. Князков А.С. Новый шаг в развитии международных стандартов обращения с осужденными // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2016. № 2(27). С. 34.
19. Барнашов А.М. Конституции государств и нормы международного права // Судья. 2013. Декабрь. С. 28–29.

INTERNATIONAL STANDARDS OF PENAL ACTIVITIES AND STEREOTYPES OF THEIR PERCEPTION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 89–96. DOI 10.17223/23088451/8/14

Vladimir A. Utkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

Keywords: international standards for punishment execution; classification of international standards; professional legal consciousness of lawyers.

International cooperation in the field of execution of criminal penalties finds legal expression in the aggregate of international acts which are usually referred to as “international standards for the treatment of prisoners”. Considering the multifaceted nature of this field of criminal policy, it is more accurate to refer to them as “international standards for penitentiary activities”. Their role is very great and diverse. The paper analyzes the political, informational, stimulating, guaranteeing, evaluative, coordinating, law-enforcing, interpretative, educational-worldview and scientific significance of the international standards under consideration. The classification of international standards is presented and justified. The classification of international standards is made by different criteria: by the territorial scale of action, by the degree of specialization, by forms of legal expression (sources), by the degree of compulsion. Special attention is paid to the critical analysis of the still existing stereotypes of perception of international standards by society, lawyers and employees of the penal system. This is the perception of standards as wishes imposed on Russia and imploring its sovereignty, as abstract and “far” from reality, as directed solely at protecting the rights of prisoners and, finally, as requiring large financial and economic costs for their implementation.

REFERENCES

1. Ponomarev, P.G. (1994) *Mezhdunarodno-pravovye standarty obrashcheniya s zaklyuchennymi i natsional'nye varianty ikh realizatsii* [PG International legal standards for the treatment of prisoners and national options for their implementation]. Ryazan: RIPE MVD RF.
2. Utkin, V.A. (1998) *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s osuzhdennymi i problemy ikh realizatsii* [International standards of treatment of prisoners and problems of their implementation]. Tomsk: Izd-vo NTL.
3. United Nations. (2015) *Minimal'nye standartnye pravili Organizatsii Ob»edinennykh Natsiy v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi. Prinyaty Komissiyey po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugolovnomu pravosudiyu EKOSOS OON 21 maya 2015 g.* [The United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. Adopted by the Commission on Crime Prevention and Criminal Justice of the United Nations Economic and Social Council on 21 May 2015]. Resolution V.15-03587(R).
4. Council of Europe Committee of Ministers. (1992) *Rekomendatsiya № R(92)16 Komiteta Ministrov gosudarstvam-chlenam otositel'no Evropeyskikh pravil po primeneniyu obshchestvennykh sanktsiy i mer vyzskaniya (prinyata 13 oktyabrya 1992 g.)* [Recommendation R(92)16 of the Committee of Ministers to Member States on the European Regulations on the Application of Public Sanctions and Penalties (adopted on 13 October 1992)].
5. APU FSIN RF. (2015) *Mezhdunarodnye standarty v ugolovno-ispolnitel'noy sfere* [International standards in the penal sphere]. Ryazan: APU FSIN RF.
6. Council of Europe Committee of Ministers. (2011) *Rekomendatsiya CM/REC(2010)1 Komiteta Ministrov gosudarstvam-chlenam o Pravilakh Soveta Evropy o probatsii (prinyata Komitetom Ministrov 20 yanvarya 2010 g.)* [Recommendation CM/REC(2010)1 of the Committee of Ministers to member states on the Rules of the Council of Europe on probation (adopted by the Committee of Ministers on January 20, 2010)]. In: Eminov, V.E. & Orlov, V.N. *Rossiyskoe ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Russian penal law]. Vol. 2. Moscow: MGYuA.
7. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2008) *Sbornik konventsiy, rekomendatsiy i rezolyutsiy, kasayushchikhsya penitentsiarnykh voprosov* [A collection of conventions, recommendations and resolutions relating to penitentiary matters]. Ryazan: APU FSIN RF.
8. Antipov, A.N. et al. (2015) *Vliyaniye mezhdunarodno-pravovykh aktov na ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossii* [Influence of international legal acts on the penal legislation of Russia]. Moscow: NII FSIN RF.
9. Ponomarev, A.M. (ed.) (1990) *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka. Sbornik dokumentov* [International protection of human rights and freedoms. Collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Ponomarev, A.M. (ed.) (1990) *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka. Sbornik dokumentov* [International protection of human rights and freedoms. Collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. UN General Assembly. (2010) *Pravila Organizatsii Ob»edinennykh Natsiy, kasayushchiesya obrashcheniya s zhenshchinami-zaklyuchennymi i mer nakazaniya dlya zhenshchin-pravonarushiteley [Bangkokskie pravila]* [United Nations Rules for the Treatment of Women Prisoners and Punishments for Women Offenders [Bangkok Rules]]. Resolution of the UN General Assembly of December 21, 2010.
12. UN General Assembly. (2015) *Pravila Organizatsii Ob»edinennykh Natsiy, kasayushchiesya zashchity nesovershennoletnikh, lishennykh svobody. Rezolyutsiya GA OON № 45/113 ot 14 dekabrya 1990 g.* [United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty. UN General Assembly Resolution No. 45/113 of December 14, 1990]. In: *Mezhdunarodnye standarty v ugolovno-ispolnitel'noy sfere* [International standards in the penal sphere]. Ryazan: APU FSIN RF.
13. UN General Assembly. (2015) *Printsipy meditsinskoy etiki, odnosyashchiesya k roli rabotnikov zdavookhraneniya, v osobennosti, vrachey, v zashchite zaklyuchennykh ili zaderzhannykh lits ot pytok i drugikh zhestokikh, beschelovechnykh ili unizhayushchikh dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya. Prinyaty Rezolyutsiyey 37/194 GA OON ot 18 dekabrya 1982 g.* [Principles of medical ethics relating to the role of health workers, especially doctors, in protecting prisoners or detainees from torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. Adopted by UN General Assembly Resolution 37/194 of December 18, 1982]. In: *Mezhdunarodnye standarty v ugolovno-ispolnitel'noy sfere* [International standards in the penal sphere]. Ryazan: APU FSIN RF.
14. Council of Europe. (2008) *Konventsiya Soveta Evropy «O peredache osuzhdennykh lits».* Strasburg. 21 marta 1983 g. [Council of Europe Convention on the Transfer of Sentenced Persons. Strasbourg. 21 March 1983]. In: Kalinin, Yu.I. (ed.)

- Sbornik konventsiy, rekomendatsiy i rezolyutsiy, kasayushchikhsya penitentsiarnykh voprosov* [A collection of conventions, recommendations and resolutions relating to penitentiary matters]. Ryazan: APU FSIN RF.
15. Utevskiy, B.S. (ed.) (1960) *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo* [Soviet correctional labor law]. Moscow: Gosyurizdat.
 16. Fefelov, V.A. (1992) *Sotsial'no-pravovye osnovy tsivilizatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy* [Social and legal foundations of the civilization of correctional facilities]. Ryazan: RIPE MVD RF.
 17. The Government of the Russian Federation. (2015) *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 g. Utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossii ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r.(v red. 23.09.2015)* [The concept of the development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020. Approved by Order 1772-r of the RF Government of October 14, 2010 (as amended on September 23, 2015)].
 18. Knyaz'kov, A.S. (2016) A new step in the development of international standards of treatment of prisoners. *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2(27). pp. 34–38. (In Russian).
 19. Barnashov, A.M. (2013) *Konstitutsii gosudarstv i normy mezhdunarodnogo prava* [Constitutions of states and norms of international law]. *Sud'ya – Judge*. December. pp. 28–29.